Л.Н. ХРУШКАЯ

К ИСТОРИИ ПЕРТОЗЕРСКОГО СТАРООБРЯДЧЕСКОГО СКИТА В КЕМСКОМ УЕЗДЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Помимо сухих фактов, архивные источники раскрывают нам немало драматических событий, свидетельствуют о ярких личностях. Безусловно, к ним относятся подвижницы древнего благочестия новгородские монахини Евфимия и Павла, мать и дочь, которые в конце XVII в. основали Сёмженский скит в тундре в 60 верстах от г. Мезени (1).

Архангельский краевед Н.А. Окладников полагает, что Евфимия и Павла являлись нижегородскими старообрядками, бежавшими с Керженца в 20-х годах XIX вв. (2). Однако он ссылается на статью «Сёмженские кельи. (Их краткая история и значение)», опубликованную в «Архангельских епархиальных ведомостях» без указания автора, где говорится об инокинях-старообрядках Евфимии и Павле, бежавших из Новгорода (здесь и далее курсив наш – *Л.Х.*) к Белому морю в царствование Алексея Михайловича при патриархе Никоне и основавших в конце XVII в. Сёмженский старообрядческий скит. Неизвестный автор начала XX в. использовал в качестве источника сохранившееся краткое сказание, написанное «раскольницей» девицей Натальей в 1803 г. на основании бытовавших преданий (3). В более ранней публикации (1881) по поводу образования Сёмженского скита её автор И.М. Рева цитирует некий документ, составленный бывшим игуменом этого скита. Там говорится об основательницах скита монахинях-старообрядках Евфимии и Павле, матери и дочери, которые во времена царя Алексея Михайловича «страха ради бежали из *Новъ Города*, взяша с собою чудотворную икону пресвятыя Богородицы казанския и приидоша в Ар-

Хрушкая Л.Н. – главный специалист отдела документов по личному составу Государственного архива Архангельской области, г. Архангельск

хангельскую губернию в Игнатьевский скит близ Белого моря» (4). В рапорте епископу Архангельскому и Холмогорскому Иоаникию от 6 марта 1904 г. священник мезенской церкви Нерукотворного Спаса Павел Шангин, ссылаясь на «раскольнические записки», рассказывает о гонимых за веру в XVII в. инокинях Евфимии и Павле, выходцах из *Нова Града* (5). Таким образом, никаких доказательств о нижегородском происхождении монахинь, основавших Сёмженский скит в XVII в., не выявлено. Надо сказать, что в период разгрома керженских скитов в начале XVIII в. происходило перемещение единомышленников старца Ануфрия (Онуфрия) из нижегородских пределов на Зимний берег Белого моря, где позднее был образован Ануфриевский скит (6). Однако в источниках, связанных с этими событиями, информация о вышеупомянутых монахинях не обнаружена.

Исторические сюжеты порой объединяют невидимые связи. Старообрядческие монахини Доменика (Доминика) и Анфиса (в миру – новгородские дворянки Анна и Софья Карташевы), тоже мать и дочь, проявили себя как стойкие подвижницы древнего благочестия XIX в. Они являлись успешными пропагандистами старообрядческой идеологии на территории Кемского уезда Архангельской губ. Благодаря деятельности этих двух новгородских женщин Пертозерский скит получил известность далеко за пределами губернии.

Этот скит был образован примерно в 1803 г. (7). В его создании принимали участие не только местные, но и приезжие староверы федосеевского согласия, а впоследствии аристовского толка. Заслуживает особого внимания информация из показаний обитателя скита крестьянина Сороцкой волости Кемского уезда Ивана Лаврентьева Акилина о вступлении им в «аристовскую секту» в Петербурге ещё в период царствования императора Павла (8). В то время как старообрядческий толк аристовщина образовался в 1810 г. в связи с разрывом В.К. Аристова (Арестова) и его единомышленников с федосеевцами (9). Не менее интересно свидетельство жительницы скита, удельной крестьянки д. Вяжице Новгородского уезда Новгородской губ., Параскевы (Праскевы) Максимовой Шерстневой: «На спрос показываю, что я и прочие здесь проживающие в пустыне молимся вместе с крестьянином Иваном Акилинским и одной с ним сек-

ты, он, Акилинский, назвал аристовскою сектою согласие наше потому, что в Санкт-Петербурге был купец Василий Кузмич Аристов, умерший уже много лет, который имел моленную, и мы бывали в оной, так как обряды служения совершались по тому же согласию, в коем состояли мы, и наше согласие в вере есть одинаковое с жителями Топозерского скита, что показываю справедливо» (10). А так как в Топозерском скиту, находившемся на территории Кемского уезда, обитали приверженцы федосеевского согласия, то можно сказать, что крестьянка особой разницы между федосеевцами и аристовцами не находила. По всей видимости, новгородцы в Кемском уезде появились не случайно. Они приехали на Пертозеро, познакомившись с кемскими староверами в Петербурге. Возможно, там же созрел план организации Пертозерского скита.

Знаменательным событием в истории скита явился приезд в 1823 г. дочери новгородской помещицы Софьи Григорьевны Карташевой. Сопровождала молодую дворянку «крепостная девка» Агрипина Николаева (11). Сохранились сведения о состоянии старообрядческого поселения на Пертозере в этот период, где в 4 кельях проживали 6 женщин и 1 престарелый крестьянин Алексей Яковлев, родственник ранее упоминаемого крестьянина И. Акилина (Акилинского). Известно имя одной из скитских жительниц – это была старица Авдотья Синицына. Есть основания полагать, что в тот момент в скиту обитала новгородская удельная крестьянка П.М. Шерстнева, поселившаяся там с благословления родителей-староверов примерно в 1813-1814 гг. (12).

Образованная, энергичная староверка из дворян Софья Карташева, являвшаяся, по всей видимости, проповедником аристовцев, быстро завоевала авторитет среди окрестного населения и стала наставницей скита. Помимо всего, большую роль играло и то, что она была монахиней. Правда, источники умалчивают, когда и при каких обстоятельствах Софья Григорьевна приняла монашество. О наставниках Пертозерского скита, бывших до С. Карташевой, информация не выявлена. На следствии в 1848 г. крестьянин Шиженского прихода шестидесятитрёхлетний Степан Никитин Миронов говорит: «при старообрядчестве своем я имел наставником, кроме Исайи, Иону и Вавилу, а когда они померли, имею наставником матушку Пертозерской пустыни Анфису, которой

иногда исповедуюсь» (13). Возможно, кто-то из вышеупомянутых наставников являлся предшественником С. Карташевой и жил в скиту. При этом надо сказать, что Исайя осуществлял свою деятельность на поприще «расколоучителя» в кемском регионе ещё в XVIII в., так как он крестил С. Миронова в младенческом возрасте.

Как свидетельствовала на следствии в 1848 г. о себе пятидесятишестилетняя С. Карташева, родилась она в Петербурге на Миллионной улице в доме князя Куракина; в восьмимесячном возрасте была крещена по обряду старой веры стариком (вероятно, сам Ф.Ф. Косцов) в Косцовой моленной, находившейся в Апраксинском переулке. Отец Софьи, прапорщик Григорий Афанасьевич Карташев, состоял на службе, поэтому был православного исповедания и вёл мирскую жизнь. Впоследствии он перешёл в старую веру. Софья жила при отце до 16 лет, получив домашнее воспитание (14).

Рассказывая об отце, С. Карташева мало говорит о своей матери. Значительную роль в формировании личности монахини Анфисы как успешной проповедницы старообрядчества, безусловно, сыграла её мать, Анна Александровна Карташева, монахиня Доменика, примерно 1765 г. рождения. Известно, что А.А. Карташева, будучи помещицей, имела в собственности деревни Нанежны и Огорелье Новгородского уезда Новгородской губ., которые она продала помещику Белееву в 1830-х годах. (Скорее всего, сделка по продаже имения состоялась перед отъездом А.А. Карташевой в Архангельскую губ. в 1835 г.). В конце XVIII–начале XIX вв. Анна Александровна проживала в Петербурге, в 1820-е годы – в доме Молкова, находившемся в Апраксинском переулке (15).

Агрипина Николаева, спутница Софьи, родилась в 1812 г. в местности где-то «под Польшей» в старообрядческой семье крепостных крестьян, поэтому в малолетнем возрасте была крещена по старому обряду. Надворный советник Масса, купивший родителей Агрипины, определил их на жительство в д. Нанежны, которую впоследствии приобрела дворянка Анна Карташева. В дальнейшем помещица увезла крепостную девочку Агрипину с собой в Петербург (16).

Губернская администрация обратила особое внимание на Пертозерский скит после того, как в 1833 г. император Николай I повелел учредить полицейский надзор над новгородской поме-

щицей А.А. Карташевой, её дочерью девицей Софьей и сыном отставным канцеляристом Григорием. К тому же Анне Карташевой было запрещено носить монашескую одежду. В целях предотвращения влияния на крепостных людей со стороны помещиков-староверов Карташевых их имение в Новгородской губ. взяли под опеку (17). В свою очередь, архангельский военный губернатор Р.Р. Галл предписал кемскому земскому исправнику установить «тщательнейший надзор» за проживавшей «в пустыне, называемой Пертозеро», дворянкой Софьей Карташевой как «содержательницей филипповской секты» (18). Военный губернатор ошибочно С. Карташеву причислил к филипповцам, впоследствии в документах о ней говорится как о представительнице аристовщины.

В июне 1835 г. санкт-петербургский обер-полицеймейстер уведомил архангельского гражданского губернатора о выезде 13 июня поднадзорной вдовы прапорщицы Анны Карташевой на жительство в г. Колу с целью установления за ней полицейского надзора в Архангельской губ. Судя по донесению кольского городничего в октябре 1835 г., в уездном городе, расположенном на Кольском полуострове, прапорщица Карташева не появлялась (19). Новым местожительством монахини Доменики стал Пертозерский скит, где уже жила её дочь Софья. Принимая во внимание семидесятилетний возраст Анны Александровны, по человечески понятно её желание поселиться рядом с дочерью. В поездке из Петербурга А. Карташеву сопровождали малолетние крепостные крестьянки Парасковья (Прасковья) Михеева, 10 лет, и Парасковья (Прасковья) Сидорова, 13 лет.

Обе Парасковьи родились в д. Нанежны Новгородской губ. и до приезда в Кемский уезд жили с «барыней» в столице. По свидетельству Парасковьи Михеевой, она была крещена по старому обряду в моленной на Волковом кладбище в Петербурге своей матерью Анной Семёновой. Парасковья Сидорова от «барыни» узнала о том, что её родители, отец Сидор и мать Агафья Андреева, являлись староверами (20). Впоследствии обитавшие в скиту крепостные крестьянки, в том числе и Агрипина Николаева, получили «вольные» от помещицы А. Карташевой.

Если говорить о петербургском периоде жизни староверки Анны Карташевой, то, судя по факту крещения дочери Софьи,

Анна Александровна в конце XVIII в. являлась прихожанкой Косцовой моленной федосеевского согласия. Надо отметить, что моленная петербургского купца Ф.Ф. Косцова была одной из первых старообрядческих моленных Петербурга (21). Она играла значительную роль в распространении старообрядчества среди населения Архангельской губ. (22). Принимая во внимание ранее упомянутый факт крещения крепостной крестьянки Парасковьи Михеевой в 1820-х годах, можно сказать, что в тот период помещица А. Карташева посещала моленную на «Волковом» кладбище Петербурга. (Волковское федосеевское кладбище в эти годы являлось своеобразным центром петербургских, новгородских, рижских и др. федосеевцев) (23). Известно, что в Волковской федосеевской богадельне некоторое время проживали насельницы большого скита, ранее находившегося в д. Бор Новгородского уезда Новгородской губ., который был закрыт и опечатан при императоре Николае I. Причину его упразднения, по некоторым источникам, инициировало ходатайство военного начальства в связи с близким расположением старообрядческой обители к уланскому штабу. На базе новгородского скита из д. Бор в Петербурге был создан тайный женский скит с богадельней и школой близ Московских ворот на улице Волковской, который пользовался славой учреждения строго аскетического (24). Можно предположить причастность староверки А.А. Карташевой к перемещению скита из новгородских пределов в столицу. К тому же, её поместье и скит располагались в одном Новгородском уезде.

Ведомость о «раскольниках» Пертозерской пустыни за 1842 г. свидетельствует об А.А. Карташевой как представительнице аристовского толка (25). Возможно, её переход в этот толк был осуществлён под влиянием дочери Софьи. Имеется и другое предположение: при составлении ведомости о пертозерцах в 1842 г. в Кемском благочинии А.А. Карташеву просто ошибочно причислили к аристовцам, так как все приезжие обитатели скита относились к этому толку.

Новгородская дворянка А.А. Карташева являлась незаурядной личностью. Несмотря на свой преклонный возраст, монахиня Доменика занялась пропагандой старообрядчества в Кемском уезде. К. Рогачев, автор статьи «Пертозерский раскольничий скит» (1910), «закоренелую раскольницу» Анну Карташеву

считал основательницей Пертозерского скита. В зимнее время монахиня Доменика ездила по окрестным селениям (Сумский посад, с. Сорока, д. Шижня и др.), проводя религиозные беседы с мещанами и крестьянами. Местные жители называли её уважительно «матушкой наставницей». К. Рогачев писал: «Успев возбудить к себе общее доверие старческим видом, степенными и внушающими уважения необыкновенно правильными чертами лица, осмысленными добрыми доверчивыми голубыми глазами, Карташева действовала на женщин и мужчин необыкновенной начитанностью, и знавшие уверяли, что в догматах веры она была до того убедительна, что возражать ей было трудно, а спорить с ней было невозможно. Такими убеждениями и личным примером строгой безукоризненной жизни Карташева сумела подействовать на сумских женщин, которых она немедленно же перекрещивала по изъявлению их желания (она была филипповского толка)» (26). (Здесь опять ошибочно указан филипповский толк.) Монахиня Доменика (Анна Карташева) завершила свой жизненный путь в 1847 г. в Пертозерской пустыни (27).

Следует сказать, что помимо монахинь Доменики и Анфисы, известны имена некоторых стариц, проживавших в разное время в Пертозерском скиту: ранее упоминаемая Авдотья Синицына, Фёкла Теплякова (ум. в 1833) (28) и Ксения из Петербурга (ум. в 1845) (29). По всей видимости, первые две старицы тоже были приезжими, как и другие монахини. В выявленных документах среди жителей скита монахи из местных уроженцев не значатся.

Одна из печальных страниц истории Пертозерской старообрядческой пустыни приходится на май 1841 г., когда пожар уничтожил 14 келий, устроенных в виде небольших деревянных крестьянских изб. Обыватели скита потерпели убытки на 900 руб. серебром, потеряв недвижимое имущество на 600 руб., а движимое – на 300 руб. (30).

В дальнейшем более тяжёлые испытания выпали на долю насельников скита. Представители духовного ведомства не могли не заметить активную деятельность пертозерских наставниц, их влияние на местное население. По этому поводу епископ Архангельский и Холмогорский Георгий отправил отношение от 3 июля 1842 г. на имя архангельского гражданского губернатора П.В. Степанова о «совращении» дочерью прапорщицы Карта-

шевой Софьей в «аристовскую секту» местных крестьянок Боровой и Михайловой. Архангельское губернское правление предписало кемскому земскому исправнику Колычеву произвести «строжайшее исследование» по данному факту. Однако в результате следствия не были обнаружены нарушения законов со стороны пертозерцев (31). Между тем, исправник выяснил, что приверженцы аристовской секты дворяне Карташевы и их 3 крепостные крестьянки, являясь староверами с рождения, поселились в Пертозерской пустыни для спасения души. Что касается местных крестьянок Парасковьи (Прасковьи) Боровой и Неонилы Михайловой, то они заявили о своей принадлежности к старообрядчеству «с малолетства». Факты «совращения» кого-либо из православия в «раскол» Карташевыми не были выявлены. К тому же, все обитатели пустыни находились в Пертозерском скиту на законных основаниях, так как или они имели соответствующие виды на жительство или проживали на земле, принадлежавшей их селению (32).

В феврале 1843 г. благочинный священник сумского Успенского прихода Симеон Никитин представил епископу Георгию ведомость за 1842 г. о жителях Пертозерской пустыни. Источник свидетельствует, что из проживавших в скиту 30 староверов (в том числе 26 женщин) 12 человек относились к аристовцам, 18 – к филипповцам. Аристовцами являлись насельники, приехавшие из других регионов: Петербурга, Лифляндской и Рязанской губ., среди них указаны только 2 местные крестьянки Колежемской волости. В то время как филипповцами значатся крестьяне Колежемской и Сороцкой волостей и трое мещан Сумского посада (33). Вызывает сомнение информация о принадлежности многих насельников к филипповскому согласию, так как в материалах следствия 1848 г. не наблюдается никаких внутренних разногласий в скиту: все единогласно признавали наставницей матушку Анфису, представительницу аристовцев. Так, например, ранее упоминавшийся аристовец крестьянин Иван Акилинский (в некоторых документах фамилия пишется как Акилин), в ведомости проходит как филипповец.

Большинство жителей скита (20 человек) состояли в родстве между собой: мать и дочь (или дочери), сёстры, только в одном случае встречается супружеская пара (сумский мещанин Фёдор Коньянов и его жена Агрипина). В начале ведомости зафикси-

рованы сведения о трёх членах семьи Карташевых и их крепостных крестьянках. Источник свидетельствует о заселении скита не только староверами из Архангельской и Новгородской губ. С 1832 г. там находились мещанка г. Фелина Лифляндской губ. Федосья Яковлева Иванова и её девятнадцатилетняя дочь Акилина Иванова, с 1841 г. – солдатская жена д. Верещагиной Георгиевского уезда Рязанской губ. Пелагея Зиновьева Панкратьева и её десятилетняя дочь Мария. Неизвестно, как сложилась их судьба в дальнейшем, так как впоследствии в документах по Пертозерскому скиту эти староверы не упоминаются. Однако ведомость неполно отражает информацию о насельниках скита. Так, например, в неё не включены удельная новгородская крестьянка П.М. Шерстнева и петербургская старица Ксения, которые, согласно материалам следствия 1848 г., проживали в пустыни в 1842 г. Безусловно, насельники скита избегали учёта как со стороны представителей светских ведомств, так и духовного ведомства. К тому же надо принять во внимание, что в 1841 г. скит пострадал от пожара, поэтому часть насельников, по всей вероятности, жила в окрестных селениях. Также среди жителей Кемского уезда находились постоянные прихожане Пертозерской пустыни, которые по достижении старческого возраста предполагали переместиться на жительство в скит. В ведомости содержится неточная информация о дате приезда в скит А.А. Карташевой с крепостными крестьянками – 1834 г. Судя по документам Канцелярии архангельского гражданского губернатора, они прибыли на Пертозеро не раньше июня 1835 г. Вероятно, вместе с матерью приехал и Григорий Карташев (по ведомости – 1834 г.) (34).

Как видно из секретного рапорта благочинного М. Федорова на имя епископа Варлаама от 31 декабря 1846 г., в связи с проповеднической деятельностью «раскольниц-совратительниц» Доменики и Анфисы, которых староверы с почтением называли «старицами, матушками наставницами», в благочинии с 1844 г. по 1846 г. перешло «в раскол» 27 человек. Называя Пертозерскую пустынь «гнездом раскола», он сообщал о староверах, проживавших там без письменных видов не только по нескольку месяцев, но и постоянно (35). Консистория, обеспокоенная негативным влиянием на официальное православие со стороны «раскольнической» Пертозерской пустыни, в мае 1847 г. обратилась к начальнику Архангельской губ. с предложениями или уничто-

жить скит или переименовать в волостное селение «без права именований настоятельских, особенно в лицах женских». Принимая во внимание договорённость между министрами внутренних дел и госимуществ о возложении на Архангельскую палату госимуществ наблюдения за староверами, проживавшими в скитах Архангельской губ., в июне 1847 г. гражданский губернатор В.Ф. Фрибес решение вопроса о дальнейшей судьбе скита передал на усмотрение управляющего палатой (36).

В октябре 1847 г. кемский окружной начальник и благочинный Кемского уезда посетили Пертозерскую пустынь. Они приехали в момент, когда Софья Карташева проводила вечернюю службу в молельной комнате, расположенной в её келье. Вместе с другими староверами там присутствовал её брат Григорий. Несмотря на то, что пертозерцы пытались скрыть факт богослужения, наставница заявила благочинному, что иметь открытую молельню и проводить службу им разрешил земский исправник (37).

Окружной начальник информировал Архангельскую палату госимуществ о том, что многие из скитских обывателей проживали с просроченными видами или без них. Имелись среди них и те, которые оказались тут уже после распоряжения министерства госимуществ от 13 марта 1846 г., запрещавшего селиться в скитах. Он пришёл к выводу о необходимости уничтожения Пертозерской пустыни, «ибо из оной распространяется вредная ересь раскола» (38). Между тем, палата госимуществ не нашла законных оснований для уничтожения Пертозерского скита, приказав окружному начальнику насельников из крестьян направить на жительство в те местности, за которыми они значились. Что касается оставшихся насельников, то за ними следовало наблюдать, чтобы они в раскол никого «не совращали». На территории скита запрещалось кому-либо вновь селиться, строить новые дома, а пустые здания полагалось разбирать на дрова. В будущем палата планировала на месте Пертозерской пустыни создать волостное селение, пригласив туда новых жителей (39).

Заслуживает внимание точка зрения по этому поводу благочинного М. Фёдорова, отражённая в рапорте за декабрь 1847 г. в адрес консистории. Он предлагал выселить из скита старообрядческую наставницу «прапорщицу» С. Карташеву, опасаясь, что она «уловит» в старую веру предполагаемых переселенцев.

Благочинный предупреждал об отсутствии какой-либо возможности со стороны священников Сумского и Колежемского приходов должным образом наблюдать за состоянием православия в предполагаемом селении, которого находилось на расстоянии 15 вёрст от обоих приходов. К тому же, М. Федоров приводил в доказательство тот факт, что в минувшее лето, когда он был «отчаянно болен», даже самые истинные чада церкви, не говоря о «раскольниках», в тайне от него побывали в Пертозерской пустыни. А с наступлением зимы, когда устанавливалась дорога, связывавшая со скитом, не только местное население, но и жители со всего Поморья посещали «пустынную наставницу». До благочинного дошёл слух о проезжавшей через Сумской посад неизвестной женщине из Петербурга, которая тайно вызывала на встречу С. Карташеву. Несмотря на то, что Софья не приехала в посад, путешественница послала в скит «какую-то милостыню» и направилась в г. Кемь, по мнению священника, в «славный Топозерский скит». (В рапорте 3 последних слова подчёркнуты). Некая ирония проскальзывает в рапорте благочинного при упоминании одного из известных поморских скитов. Он не менее ироничен и говоря о «бдительности надзора за расколом» со стороны земской полиции. Между тем, Фёдоров извещал о смерти Анны Александровны и Григория Григорьевича Карташевых. Однако он не знал, где они захоронены (40). Автор данной статьи предполагает, что возможно, Г.Г. Карташев не умер в 1847 г., а покинул скит после смерти матери (в октябре 1847 г. он был ещё жив).

Архангельские губернская администрация и палата госимуществ не могли оставить без внимания настоятельные обращения со стороны епархиального руководства о необходимости закрыть Пертозерский скит как «гнездо раскола» в Кемском уезде. Стараясь действовать в рамках закона, начальник Архангельской губ. В.Ф. Фрибес в 1848 г. распорядился провести дополнительное расследование по делу о староверах Пертозерской пустыни. В связи с этим была создана следственная комиссия под председательством кемского уездного судьи И. Латышева, в состав которой вошли непременный заседатель Кемского земского суда Веселов, депутат от духовного ведомства кемский протоиерей А. Тошаков, позднее для работы в комиссию был командирован стряпчий Таратин (41).

Следственная комиссия по делу «о совратительнице Карташе-

вой и совратившихся через неё в раскол людях в Пертозерской пустыне» работала в течение 8 дней июля 1848 г. в Сумском посаде. Материалы следствия являются бесценным источником по изучению истории Пертозерского старообрядческого скита и деятельности его обитателей. В процессе работы члены комиссии проводили допрос староверов как обитавших в Пертозерском скиту, так и проживавших в селениях Сороцкой волости. В показаниях «раскольников» прослеживается уже заранее заготовленная форма ответов, помимо некоторых моментов их частной жизни. Судя по всему, староверы пытались оградить свою наставницу от уголовного наказания. В связи с этим они дружно заявляли, что были крещены в старую веру с рождения, на жительство в скит их никто не приглашал, а поселились там по своему желанию, также не видели, чтобы матушка Анфиса кого-либо «совращала» в раскол, а им она не давала никаких наставлений «твердо держаться раскола». Показания свидетельствуют, что смыслом жизни многих из этих староверов являлось стремление сохранить веру предков, и с этой целью они сплотились вокруг сильного авторитетного лидера – С.Г. Карташевой.

Следователи особенно надеялись на свидетельские показания шестидесятитрёхлетнего старовера Степана Никитина Миронова, в 1847 г. изгнанного наставницей Анфисой из скита с бывшей крепостной крестьянкой Парасковьей Сидоровой за любовную связь между ними. К тому же, будучи на увещании в декабре 1846 г., С. Миронов сказал священнику М. Фёдорову, что он присоединиться от раскола к православию «смелость не имеет без соизволения наставницы Анфисы». Однако в 1848 г. этот старовер заявил о своём нежелании перейти в лоно синодальной церкви, даже «если бы она, Анфиса, подала мне к тому мысль». Будучи в пожилом возрасте, Миронов был уверен, что он «с малолетства» состоит в той же старообрядческой «секте», что и наставница Анфиса, которая, как известно, относилась к староверам аристовского толка. По словам старовера, в этой «секте» состояли его родители, а в настоящее время – жена и дети. Очевидно, что особого различия между старообрядческими толками и согласиями крестьяне не находили, главную роль в основном играла личность наставника. Между тем, С.Н. Миронов среди своих наставников не упоминал Анну Карташеву, в то время как С.Г. Карташе-

ва утверждала: «означенный Миронов проживал после смерти родительницы моей одну неделю, и я наставницей у него никогда быть не могла» (42). Принимая во внимание и другие источники, создаётся впечатление, что руководила скитом С. Карташева, а её мать успешно проповедовала идеи старой веры среди населения.

Надо ещё заметить, что следствие интересовали крестьяне Моторный, Койтоев (Койтов) и Антонов, покровительствовавшие наставнице Анфисе, а именно, информация о том, как их зовут и к каким населённым пунктам они причислены. Однако в документах, кроме фамилий, никаких сведений о покровителях скита не имеется (43).

Заслуживает внимание акт следственной комиссии от 18 июля 1848 г., из которого следует, что Пертозерский скит состоял из 8 келий, представлявших «особые строения в довольно прочном виде», отдельной молельни не имелось. В келье у «старицы Анфисы Карташевой» находилось 12 икон, у других насельников от 4 до 8 икон, местных икон не имелось (44).

Дело по Пертозерскому скиту было рассмотрено 25 октября 1849 г. на совместном заседании кемских уездного суда и городской ратуши, где решили передать его в Архангельскую палату уголовного и гражданского суда (45). В июле 1850 г. архангельский гражданский губернатор представил в МВД приговор судебной палаты по данному делу от 16 июня 1850 г. Судьбу Пертозерской обители и её жителей решил Комитет министров, который 16 августа 1850 г. принял Положение, где говорилось об уничтожении этого «раскольнического» скита. В связи с этим дочь прапорщика С. Карташева, удельная крестьянка П. Шерстнева и 3 вольноотпущенных крестьянки высылались на родину в Новгородскую губ. Остальные насельники из жителей Кемского уезда определялись на те места, где числились согласно ревизии. К тому же, местное духовенство должно было подвергнуть их «тщательному увещанию и вразумлению» с целью обращения их в лоно синодальных православной церкви или единоверия, в противном случае за ними устанавливался полицейский надзор, а некоторые из них подвергались двухмесячному тюремному заключению. Иконы и книги из келий скита, «противные православию», представлялись в МВД. В пользу Архангельского приказа общественного призрения поступали средства, вырученные от продажи сломанных скитских зданий (46).

Как видно из переписки Архангельского губернского правления с духовной консисторией за октябрь 1851 г., «раскольницы» С. Карташева и П. Шерстнева в Новгородской губ. не появились, поэтому Кемскому земскому суду было предложено провести розыск по уезду и представить в правление подробное описание их примет для объявления розыска по империи (47). Надо заметить, что кемский земский исправник М. Ершев ранее был уличён в содействии наставнице С. Карташевой (48).

По мнению протоиерея кемского собора Дмитрия Козмина (рапорт от 28 ноября 1887 г.), уничтожение скита нанесло только вред православию, так как его обитатели в глазах населения стали мучениками за веру: «когда выгоняли Анфису ,,плач был велий“ и теперь в синодик как умерших от такого горя поминают» (49).

Возможно, С.Г. Карташева скрывалась в ранее упоминаемом Топозерском старообрядческом скиту. В книге писателя С.В. Максимова, путешествовавшего по Северу в 1856 г., местный житель Кемского уезда с крестьянской простотой рассказывает об игуменье Анфисе из Топозерского скита, уехавшей в Москву по вопросу восстановления этого скита: «Сановитая такая, из себя дородная, плотная, даром, что было ей пять десятков лет с хвостиком. Эта Москву обойдет. Эта там не заблудится, да еще и других прочих с собой на свою дорогу проведет» (50).

Примерно в 80-е годы XIX в. Пертозерский скит в Кемском уезде возродился. Староверы селились по берегам двух больших расположенных рядом озёр – Пертозера и Тегозера. Судя по источникам, новые обитатели являлись «раскольниками» разных беспоповских согласий: филипповского и федосеевского. Среди них были не только местные крестьяне, но и уроженцы Владимирской, Костромской, Новгородской, Олонецкой, Тверской и Ярославской губерний. Всего в 35 кельях (маленьких домиках) проживали более 50 человек. Первым наставником возрождённого скита являлся некий монах Михаил, его преемником стал Фёдор Постников. Среди населения бытовали предания о прежней наставнице: «при Николае Павловиче жила здесь графская дочь Анфиса и была особенная Анфисина вера» (51). Источник также свидетельствуют об аристовцах, ими являлись «сумские раскольники», которые жили на «Тегозере за горушкой от Пертозера» (52). Надо заметить, что в Архангельском уезде Архан-

гельской губ. существовал скит с аналогичным названием – Пертозерский.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хрушкая Л.Н. К истории Сёмженского старообрядческого скита в Архангельской губернии // Новгородский архивный вестник №5: Научно-публикаторское издание. Великий Новгород, 2005. С.61–71.

2. Окладников Н.А. История старообрядческого скита Сёмженские кельи на Мезени (XVIII–начало XX вв.) // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы VIII Международной научной конференции. Т.1. М., 2007. С.84–85.

3. Архангельские епархиальные ведомости. 1912. №3. С.80–81.

4. Рева И.М. Письма с далёкого Севера (письмо третье) // Русское богатство. №3. 1881. С.1–24.

5. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф.и-29. Оп.3. Т.1. Д.1741. Л.78об.

6. Подробнее см.: Леонтьев А.И. Зимняя сторона. Архангельск, 1999. С.453–454; Хрушкая Л.Н. История старообрядческих скитов на Зимнем берегу Белого моря в XVII–XVIII веках // Русский Север и архиепископ Афанасий: Сб. науч. ст. Архангельск, 2003. С.102–115; Окладников Н.А. Указ. соч.; Сироткин С.В. Старообрядческие скиты «что на Зимних горах Белого моря» в 30-40-е годы XVIII в. // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы VIII Международной научной конференции. Т.1. М., 2007. С.74–83.

7. ГААО. Ф.и-29. Оп.3. Т.1. Д.1538. Л.62об.

8. Там же. Л.56об.

9. Христианство: Энциклопедический словарь. Т.1. М., 1993. С.117.

10. ГААО. Ф.и-29. Оп.3. Т.1. Д.1538. Л.59об.

11. Там же. Л.2, 61об.–62.

12. П.М. Шерстнева, примерно 1783 г.р., на следствии в 1848 г. заявила, что она поселилась в скиту на 31-м году по своей воле, а Карташевы к этому не имеют никакого отношения. См.: ГААО. Ф.и-29. Оп.3. Т.1. Д.1538. Л.59об.

13. Там же. Л.54–55.

14. Там же. Л.61об.–62.

15. Там же.

16. Там же. Л.61об.

17. Там же. Оп.4. Т.2. Д.22. Л.2.

18. Там же. Ф.и-4. Оп.3. Д.992. Л.1–3.

19. Там же. Ф.и-1. Оп.4. Т.2. Д.38. Л.1–5.

20. Там же. Ф.и-29. Оп.3. Т.1. Д.1538. Л.63об.–65об.

21. Русский музей представляет: образы и символы старой веры / Альманах. Вып.217. СПб., 2008, С.76–77.

22. Известно, что староверы Шенкурского уезда, посещавшие эту моленную в конце XVIII в., ходатайствовали перед Сенатом об открытии у себя на родине старообрядческой часовни. Однако все их усилия по этому поводу при-

вели к тому, что шестеро наиболее активных шенкурских староверов были отправлены в Соловецкий монастырь. См.: Хрушкая Л.Н. Очерки по истории старообрядчества в Шенкурском уезде в XVII–начале XIX в. // Важская земля: из глубины веков до настоящего времени: [материалы науч.-практ. конф.]. Шенкурск, 2007. С.76–87.

23. Пирютко Ю.М., Кобак А.В. Волковское лютеранское кладбище. (Набережная реки Волковки) // Исторические кладбища Петербурга: Справочник-путеводитель. СПб., 1993. С.364–366.

24. Русский музей представляет: образы и символы старой веры. С.98; Воскресенская Т.А. Новгородские старообрядцы-беспоповцы во второй половине XIX–начале XX века: Мировоззрение. Быт. Культура. Великий Новгород, 2008. С.37.

25. ГААО. Ф.и-29. Оп.3. Т.1. Д.1538. Л.2.

26. Рогачев К. Пертозерский раскольничий скит // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. №6, 1910. С.12–16.

27. ГААО. Ф.и-29. Оп.3. Т.1. Д.1538. Л.23–24.

28. Имеется информация о покупке новгородской крестьянкой П.М. Шерстневой кельи у старицы Ф. Тепляковой. См.: ГААО. Ф.и-29. Оп.3. Т.1. Д.1538. Л.58.

29. Имеется информация о покупке сумской мещанкой А.С. Чайкиной кельи у старицы Ксении из Санкт-Петербурга в 1842 г. См. ГААО. Ф.и-29. Оп.3. Т.1. Д.1538. Л.65–65об.

30. ГААО. Ф.и-4. Оп.11. Д.97. Л.1–4.

31. Там же. Ф.и-1. Оп.4. Т.5а. Д.313. Л.2.

32. Там же. Ф.и-29. Оп.3. Т.1. Д.1538. Л.29–30.

33. Там же. Л.1–3.

34. Там же. Л.2–3.

35. Там же. Л.7–11.

36. Там же. Л.13.

37. Там же. Л.15–17.

38. Там же. Л.20–21.

39. Там же. Л.22.

40. Там же. Л.23–24.

41. Там же. Л.29–34.

42. Там же. Л.62–62об.

43. Там же. Л.63–63об.

44. Там же. Л.69.

45. Там же. Ф.и-1. Оп.4. Т.5а. Д.313. Л.3об.

46. Там же. Л.4–6.

47. Там же. Ф.и-29. Оп.3. Т.1. Д.1596. Л.141–142.

48. Там же. Л.116–116об.

49. Там же. Оп.2. Т.5. Д.676. Л.80, 135–136.

50. Максимов С.В. Год на Севере. М., 1984. С.74.

51. Рогачев К. Указ. соч. С.12–16; ГААО. Ф.и-29. Оп.2. Т.5. Д.676. Л.14об.–15.

52. ГААО. Ф.и-29. Оп.2. Т.5. Д.676. Л.15.